

◆ 4 стр. ◆ 14 мая 1985 год

ПЕСНИ ВОЙНЫ, ПЕСНИ ПОБЕДЫ

Цвел май 1941 года. Все бело, радостно было на душе и у нас — артистов первой эстрадной бригады Башкирской филармонии, выехавшей на гастроль.

Мы — тещы Сахи Саитов, Камал Ихсанов, танцор Тимир Бакиев, танцовщица Биби Хуснутдинова, кураист Халид Мулдакаев, гармонист Заки Садретдинов и я — выступали в больших и малых селах Зауралья. Давались такие поездки не легко, если вспомнить бездорожье того времени, тесные, душные клубы... Но мы были молоды. А как нас восторженно встречали! Ведь в некоторых деревнях впервые видели артистов, впервые слышали слова: филармония, гастроль. Казалось, мы окунулись в бесконечную счастливую жизнь, и так будет всегда... Но пришел страшный день — началась война.

Весть о ней застала нас в деревне Кугарчи. Помню, в клуб тогда собралось столько народа, что пришлось открыть настежь окна и двери для тех, кто не попал в зал и стоял во дворе. Выступил председатель колхоза. Он говорил, что мы одолеем и этого врага, вспомнил победу у озера Хасан, Халхин-Гол. На том памятном концерте наша бригада исполняла то же, что и раньше. Популярны советские песни в переводе башкирских поэтов: «Дан приказ ему на Запад», «Матрос Железняк», «Веселый ветер», «Широка страна моя родная», «Урал,

Урал-река»... Сколько раз мы их пели! Но именно в тот день всем сердцем почувствовали, как они современны, как берут за сердце.

Гастроли не прервались. Напротив, мы получили указание не пропускать ни одну деревню на своем пути, ни один клуб. Теперь мы все чаще выступали на окраине сел и деревень, перед бойцами, уходящими на фронт, или возле райвоенкоматов, на грузовике с откинутыми бортами.

С волнением пела я тогда широко известные песни Хабибуллы Ибрагимова «Ашукай» и Фарита Яруллина «Партизанка». Мне, как и другим в бригаде, приходилось выступать в разных амбулах: пела, читала стихи, танцевала, разыгрывала сценки. По сегодняшним меркам все это трудно назвать настоящим искусством. Однако наши выступления были очень искренни, каждый вкладывал в свое исполнение всю душу. Да иначе и быть не могло. Ведь мы провозжали своих земляков на войну. И кто знает, кому из них доведется вернуться домой?

Война вошла в каждый дом. Одна, с трехмесячным ребенком на руках, осталась и я. Очень помогла мне тогда моя сестренка Хуршида. После окончания педагогического училища она решила остаться до работы время провести со мной на гастролях, присмотреть за дочерью. Здесь и застала ее война. Вскоре я стала замечать: стояло нашей бригаде оказаться в райцентре, как

моя Хуршида исчезала. Она зывается она «атаковала» военкоматы. И добилась-таки своего. В конце 1941 года я провожала ее на фронт.

Последнее письмо от сестренки получила в 1943 году. Она писала: «Ты помнишь, как я любила петь украинские песни, увлеклась украинской литературой. А теперь сама на Украине, освобождаем ее от фашистов. Бои идут жестокие. Многих товарищей потеряли. Завтра опять бой».

Позже Загир Исмагилов написал музыку к стихам Сайфи Кудаша «Комсомолка Хуршида». Многие годы эта песня была в моем репертуаре. Исполняя ее, я видела перед глазами не одну, а всех наших замечательных женщин. И тех, кто ушел на фронт, и тех, кого я близко узнала в тяжелые военные годы. Встреч было много. Но эту, в 1944 году, не забыть. Шла весна, кругом распутица. Бригада с трудом добралась до горной деревушки: весь путь от райцентра мы прошагали пешком. Лошадь была запряжена не в бричку (она не поднялась бы в гору), а в некое подобие арбы: толстое, длинное бревно на четырех колесах. На него ни сесть, ни чемодан положить. Можно было только шагать рядом, придерживая рукой груз.

Председатель колхоза, совсем еще мальчишка, но уже ветеран, врывающийся с войны с пустым левым рукавом, сам пошел устраивать нас по квартирам. Певца

Зарифа Шабанова, только что вернувшегося с фронта раненым, он пригласил к себе. Быстро определили и других. А мне председатель сказал: «Я вас устрою к Гильмии-апай. У нее большое горе — получила похоронку на двух сыновей. А неделю назад пришла еще одна — из Румынии — на дочь. Ношу в кармане, не знаю, как сказать. Вы уж как-нибудь помогите».

Вначале я хотела отказаться. Слишком все это было тяжело. Совсем недавно сама мучилась, не зная, как сказать отцу о гибели нашей Хуршиды. А тут старая, совсем одинокая женщина.

В маленьком, чисто прибранном доме нас встретила тишина. Не горела и лампа. Приглядевшись, я увидела женщину, неподвижно сидящую на нарах. Председатель бодро поздоровался, сам прошел к печке, зажег семилитровую керосиновую лампу и познакомил нас.

Я взглянула на Гильмию-апай. С виду спокойное, но совсем отсутствующее лицо. Она отвечала нам, кивала головой, но в глазах ее была только боль. Как же добавить еще одну?

Когда мы, наконец, сказали об извещении, Гильмия-апай не вскрикнула, не упала, не заплакала. Она молча как-то медленно стала платок со своей головы и зажала его у рта. А глаза широко открытые глаза старой женщины, невидяще смотрели на нас, мимо нас...

Сколько раз в эти годы мне приходилось видеть, как стойко и мужественно переносят наши женщины свое горе!

Чем же мы — рядовые артисты, могли помочь им, а также старикам, подросткам? Замечательным людям, на плечах которых лежала главная забота — накормить фронт. Только жаром своих сердец, своими чувствами, искусством. Нам так хотелось подбодрить их, сделать их жизнь хотя бы чуть-чуть краше, придать им силы. И мы старались от всей души.

Мы месяцами жили в селах, лишь на короткое время возвращаясь в Уфу. Но и тут, в городе, шли со своими песнями, стихами, танцами в госпиталь к раненым. А тогда в Уфе было много госпиталей: на улицах К. Маркса, Владивостокской, в помещении медицинского института, в клубе железнодорожников, в школах...

В самую большую палату или в столовую собирались ходячие, а для тяжелораненых мы выступали отдельно.

Концерты в госпитале или на привокзальной площади перед отправкой военного эшелона давал ансамбль народного танца. Как горячо его принимали! Но особый успех выпадал обычно на долю Мухамета Идрисова и Хазины Магазовой.

Во время краткого пребывания в Уфе мы встречались с маститыми актерами московских и киевских театров, находившихся здесь в эвакуации. Они учили нас

мастерству, помогали в подборе репертуара. А потом — снова гастроль. Клубы, как правило, были переполнены.

Не забыть, как, затаив дыхание, наши зрители слушали прекрасное пение Асмы Шаймуратовой и Зарифа Шабанова, стихи в исполнении Газимы Исмагиловой, недавно вернувшейся раненой. Она выступала в составе фронтовой бригады. А с каким восторгом в каждом клубе принимали игру на скрипке друга Исмагиловых — отца и сына! Помню, старший Исмагилов еще и пел куплеты собственного сочинения: сатирические о гитлеровской своре и лирические — о нашей деревенской жизни.

Я тогда много читала. Очень любила поэму Рашида Нигмати «Письмо твоей невесты». С особым удовольствием произносила строки, адресованные женщинам:

Это счастье, если я
любовью
Смелым быть солдату
помогла,
Если ненависть моя
крутая,
Как огонь, спалит врагов
до дна!

...Позже, много лет спустя после войны, когда я пела любимые песни «Жду тебя» Х. Ахметова, «Ты не вернулся» З. Исмагилова, «Диние гуси», «Третий день снег идет» С. Садыковой, и «Мне кажется, ты вернешься» Б. Гайсина, то каждый раз сердце больно сжималось. Сердце хорошо помнит, что пережили наш народ 40 лет назад: и неисчислимые потери, и радости. Помнит и самый счастливый день — День Победы.

Фариде КУДАШЕВА,
заслуженная артистка
РСФСР.